

© 2023 г. **Е.П. КУДРЯВЦЕВА**

БОСФОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ФЛОТА В 1833 году

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104

Аннотация. Босфорская экспедиция российского флота 1833 г. стала одним из самых удачных предприятий российской внешней политики в регионе Проливов. Ункяр-Искелесийский договор, заключенный в результате этой экспедиции, — пик российского влияния в Османской Турции за весь период двусторонних отношений между двумя империями. История заключения договора, несмотря на неоднократное его упоминание в исторических трудах, еще таит множество неисследованных деталей и почти неизвестна в западной историографии. Документы Архива внешней политики Российской империи содержат дипломатические бумаги российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева, а переписка специального уполномоченного на Босфоре Н.Н. Муравьева и секретные предписания полковнику А.О. Дюгамелю из Российского государственного военно-исторического архива проливают свет на истинные причины той помощи, которая была оказана российским правительством Порте. История заключения договора, предоставившего российскому флоту беспрецедентные выгоды в Проливах, свидетельствует о взаимной выгодности заключенного соглашения и дружественных отношениях между Россией и Турцией, установившихся в результате его подписания.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, внешняя политика, Черноморские проливы, военно-морской флот, торговый флот, Ункяр-Искелесийский договор, международные договоры, дипломатические отношения, восточный вопрос.

E.P. Kudriavtseva

The 1833 Bosphorus Expedition of the Russian Fleet

Elena Kudriavtseva, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57353047500; ORCID: 0000-0002-6036-9104

Abstract. The Bosphorus expedition of the Russian fleet in 1833 became one of the most successful enterprises of the Russian foreign policy in the region of the Straits. The Treaty of Hünkâr İskelesi, concluded as a result of this expedition, represents the peak of the Russian influence in Ottoman Turkey throughout the years of bilateral relations between the two empires. The Treaty's history, despite it being numerous mentioned in historical works, still harbors many unexplored details and is almost unknown in the European historiography. The documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire contain diplomatic papers of the Russian envoy

in Constantinople Apollinary Butenev, and the correspondence of the special commissioner on the Bosphorus Nikolay Muravyov and secret instructions to Colonel Alexander Dugamel from the Russian State Military-historical Archive shed light on the true reasons for the assistance that was provided by the Russian government to the Porte. The history of the conclusion of the Treaty, which gave the Russian fleet unprecedented benefits in the Straits, testifies to the mutual benefit of the agreement and friendly relations between Russia and Turkey that were established as a result of its signing.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, foreign policy, Black Sea Straits, navy, merchant navy, Hünkâr İskelesi Treaty, international treaties, diplomatic relations, Eastern Question.

Весной 2023 г. исполнилось 190 лет со времени проведения Босфорской экспедиции русского флота и заключения русско-турецкого Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. Несмотря на то что сегодняшняя дата недостаточно «юбилейная», эти события заслуживают того, чтобы еще раз напомнить об уникальном событии как в истории русско-турецких отношений, так и в общем комплексе так называемого восточного вопроса на всем протяжении его существования. Вспомнить о Босфорской экспедиции и тех преимуществах, которые получила Россия в Проливах в результате заключенного договора, заставляет еще и тот факт, что об этом крайне редко упоминается в зарубежной историографии, и сама экспедиция до сих пор остается «неизвестной».

Восточному направлению внешней политики, т.е. политике в Османской империи, включая Балканы, Черноморские проливы, Ближний Восток и Средиземноморье, российское правительство всегда уделяло особое внимание. После завоевания Крыма и присоединения кавказского побережья Черного моря России необходимо было получить возможность свободного выхода торгового флота через Проливы. Этого требовало южнорусское купечество, заинтересованное в сбыте хлеба, поставляемого из региона Новороссии. Кроме того, эти земли, включая Крым и восточное побережье Кавказа, нуждались в обеспечении надежной защиты, что вело к необходимости расширения строительства не только торгового, но и военного флота, готового оборонять южные рубежи империи.

После того как Россия прочно утвердилась в Очакове, Одессе, Севастополе и Керчи, появилась необходимость свободного плаванья торгового — а по возможности и военного — флота через Черноморские проливы. Присутствие России в этом регионе значительно расширяло ее политические возможности на Европейском континенте. Нельзя сбрасывать со счетов и проблему отношений российских властей с балканскими подданными султана, которые с давних времен пользовались покровительством и материальной поддержкой единоверной державы.

Вопрос открытых для России Проливов поднимался в русско-турецких договорах неоднократно. Поначалу это касалось только свободного мореплавания для русской коммерческой торговли. По Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Россия получала право прохода своих торговых кораблей через Босфор и Дарданеллы. Целью российской делегации на русско-турецких переговорах было добиться свободного мореплавания для «всякого рода российских судов без малейшего притеснения по всем морям без изъятия»¹. Благоприятный режим Проливов должен был способствовать развитию российской торговли и кораблестроения в черноморских портах. Однако в окончательный текст мирного договора вошла статья о «вольном и беспрепятственном» плавлении русских и турецких кораблей в морях, омывающих российские и турецкие пределы, но ничего не говорилось о праве России держать в Черном море военный флот².

Можно сказать, что русско-турецкий договор 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) стал следующим шагом в возможности военного флота России быть допущенным в Проливы. Поскольку Россия оказывала Турции вооруженную поддержку против действий

¹ Россия и Черноморские проливы (XVII–XX столетия). М., 1999. С. 67.

² Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1862. С. 31.

французов, Блистательная Порты предоставляла российскому флоту право беспрепятственного прохода через Черноморские проливы и одновременно объявляла Черное море закрытым бассейном для военных судов нечерноморских держав³. Первое условие распространялось только на военное время и не имело постоянного характера, но второе было важно для обеспечения обороны южных рубежей и свободного торгового мореплавания российских коммерческих судов.

Эти условия нашли свое подтверждение в следующем русско-турецком договоре от 11 (23) сентября 1805 г. Секретная статья разрешала «проход через Константинопольский канал военных судов и транспортов» России во время совместных военных действий против наполеоновской Франции. Отдельная статья посвящалась закрытому для нечерноморских держав статусу Черного моря⁴.

Две русско-турецкие войны в первой трети XIX в. заставили забыть о достигнутых Россией привилегиях. Несмотря на то что условия Бухарестского 1812 г. и Адрианопольского 1829 г. мирных трактатов были выгодны для статуса России на Балканах и подразумевали территориальные приобретения на Кавказе, в Бессарабии и в дельте Дуная, статьи о Проливах в них отсутствовали. К этому времени через Босфор и Дарданеллы могли проходить только легкие военные суда, призванные осуществлять связь между посольством в Константинополе, а позже и в Греции, с черноморскими портами. А ведь еще до завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в официальных российских документах присутствовал пункт о желательности для России приобретения на Босфоре «двух каменных уголков» для контроля над судоходством в Проливах. Эту мысль высказал в «Записке» Д.В. Дашков при подготовке условий мирного договора с Турцией⁵. На заседании «Особого комитета» в 1829 г. была разработана доктрина внешней политики России по отношению к Турции. Основным ее тезисом стало утверждение о выгоде для России дальнейшего существования Османской империи в ее настоящих границах⁶. Одновременно и для европейских держав это означало поддержание статус-кво на Востоке, что было весьма выгодным и для них. Таким образом, сохранение Турции отвечало интересам всех сторон, хотя и подразумевало выстраивание политики европейских держав с учетом их интересов в том или ином регионе обширной империи Османов. Россию в первую очередь интересовали Проливы и регионы Балканского полуострова, население которого ориентировалось на помощь российского правительства.

После завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. между Россией и Османской империей установился период равных, дружественных отношений. Победа России не только принесла ей некоторые, хотя и небольшие, территориальные приобретения, но и послужила к расширению прав Сербии, которая по хатт-и шерифам 1830 и 1833 гг. добилась предоставления ей автономных прав в составе Османской империи⁷. Особое неприятие со стороны западных держав вызвали статьи о присоединении к России черноморского побережья Кавказа от устья реки Кубань до пристани Св. Николая, что значительно расширяло саму возможность вести морскую политику, несмотря на сложный характер взаимоотношений российских властей с местным населением. «Черкесы», как называлось все население черноморского побережья в официальных бумагах, еще долго не признавали власти Российской империи и считали себя подданными Порты, которая

³ Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857. С. 79.

⁴ Горяинов С. Договор 11 (23) сентября 1805 года между Россией и Турцией // Известия МИД. Кн. 5. СПб., 1912. С. 247–249.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 1098. Л. 87. Обзорение главнейших сношений России с Турцией и начал, на коих должны быть установлены на будущее время.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее см.: Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.

оказывала им поддержку вооружением. Тем не менее присутствие России на Черном море расширялось, что требовало дополнительных возможностей для осуществления экономических и внешнеполитических задач.

Таким образом, к 1833 г., когда началась новая страница в определении статуса Проливов, была совершенно очевидной заинтересованность правительства России в расширении функций российского флота в регионе Босфора и Дарданелл — этому способствовали рост торговых оборотов южнорусского купечества, вовлеченность России в общеевропейскую политику, задачи обороны новых территорий и расширение связей с балканскими народами, опиравшимися на русскую военную и политическую поддержку в своих требованиях независимости от Порты.

Помощь, предоставленная российским правительством Турции в 1833 г., оказалась достаточно неожиданной, принимая во внимание недавно завершенную войну, да и весь многолетний опыт военного противостояния двух соседних держав на протяжении предшествующих веков. Выступление египетского паши Мухаммеда Али, намеревавшегося присоединить к своим владениям сирийские территории, создавало реальную угрозу султану Махмуду II, не сумевшему организовать против мятежного паши должного сопротивления турецкой армии. Мухаммед Али пользовался в своих владениях всей полнотой власти и поддержкой Франции, искавшей союзников в противостоянии с Портой. Выступление египетского паши вызвало резко негативную реакцию российского императора, усмотревшего в этом «бунт» против законной власти и вставшее, по мнению Николая I, в один ряд с европейскими революциями 1830-х годов, которые были безоговорочно осуждаемы российским сувереном. По воспоминаниям участника Босфорской экспедиции Н.Н. Муравьева, Николаю I принадлежат слова: «Надобно низвергнуть этот новый зародыш зла и беспорядка, надобно показать влияние наше в делах Востока»⁸. Таким образом, Николай I, оставаясь верен принципам Священного союза, переживавшего свое второе рождение в период европейских революций 1830-х годов, рассчитывал укрепить влияние России в Турции, включая Балканы и Черноморские проливы.

Мухаммед Али, номинально оставаясь вассалом султана, фактически был независимым правителем Египта. Целью его военного выступления, которое вел его сын Ибрагим-паша, было присоединение Сирии. Военные силы паши быстро продвигались к Константинополю, султанские войска, не оказав им должного сопротивления, терпели поражения. В этих условиях Махмуд II вынужден был обратиться к европейским правительствам с просьбой о помощи. Англия и Франция не смогли быстро определить свое отношение к происходящим событиям, а Россия с неожиданной готовностью откликнулась на просьбу султана. Выбор союзника, правда, Махмуд II объяснил словами «утопающий и за змею хватается».

У российского императора были собственные причины откликнуться на поступившую просьбу. Во-первых, это был период мирных отношений с Турцией, которая вынуждена была выплачивать России репарации после поражения в последней войне. Во-вторых, отказ западных держав был на руку Николаю I — это значило, что в русско-турецких отношениях не будет посредников, участие которых всегда только осложняло решение восточных дел. В-третьих, Россия опасалась, что это место может занять Франция, ее клиентом был Египет, и в результате вмешательства ее роль на Востоке возрастет. Вполне вероятно, император уже тогда мог предполагать, что его посредничество в турецко-египетском конфликте принесет России возможные выгоды, — и не ошибся.

Н.Н. Муравьев, сыгравший самую активную роль в осуществлении Босфорской экспедиции, оставил воспоминания «Русские на Босфоре в 1833 году». В них подробно представлена предыстория этого события и дан детальный отчет обо всем происходившем в этот период. Особо ценно, что книга написана непосредственным участником событий, неоднократно имевшим подробные разговоры с Николаем I о целях предполагавшегося

⁸ *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869. С. 11.

предприятия и не пытавшимся «перетянуть» на себя успех завершённого дела. Перед началом экспедиции генерал-лейтенант Муравьев получил подробные инструкции, согласно которым он должен был отправиться сначала к Мухаммеду Али и изложить ему позицию российского императора. Только получив отказ египетского паша подчиниться воле султана, российскому представителю следовало обратиться к Махмуду II с предложением помощи. Но и на этот случай было разработано несколько вариантов действий, если султан не принимал помощь России, Муравьев имел специальные инструкции по достойному отказу от продолжения миссии и возвращению на родину.

Уже в октябре 1832 г. в Петербурге ясно осознавали, какая угроза нависла над Османской империей. Весть о победах египетской армии широко разнеслась по европейским столицам. Получив назначение выехать в Турцию и Египет, Муравьев должен был докладывать о положении турецкой армии. Победы Ибрагим-паши, писал Муравьев с берегов Босфора, «поставили турецкую империю на край гибели», во время сражения при Конии турки переходили на сторону египтян тысячами⁹. Одновременно с Муравьевым по этому же маршруту Генеральный штаб решил послать полковника А.О. Дюгамеля, который имел отдельное и весьма обширное задание. Во-первых, он должен был собрать сведения обо всех укреплениях на берегах Босфора; во-вторых, представить сведения о состоянии турецких военных сил — как сухопутных, так и морских; в-третьих, обратить внимание на состояние вооружённых сил Египта; в-четвертых, определить на берегах Проливов точки, выгодные для высадки десанта; и, наконец, совершив путешествие сухим путем через Сирию в Александрию, собрать сведения о морских и сухопутных силах Мухаммеда Али, а также о настроениях местного населения¹⁰.

С пути своего следования Дюгамет докладывал, что положение Турции «очень сложное», Ибрагим-паша успешно продвигается и турецкое правительство «в упадке». Народ безразличен к происходящему, и это опаснее для Порты, чем военные успехи египтян¹¹. В следующем донесении Дюгамет еще раз подтвердил, что положение Турции критическое, ее армия покинула Конию в беспорядке, Ибрагим-паша продвигается к берегам Босфора, и ничто не может его остановить. Именно в этом докладе Дюгамет использует страшное для российских властей слово «революция» — ее хочет совершить Ибрагим-паша в Константинополе¹². Рапорты Дюгамеля и его сведения, подтвержденные донесениями Муравьева, стали ключевыми для решения Петербурга прийти на помощь султану. Турция на грани краха, и в случае победы войск Мухаммеда Али в Константинополе воцарится ставленник Франции. В Киеве, например, уже считали, что Ибрагим-паша дошел до Константинополя, — эти слухи распространяли поляки, которые, как обычно, преувеличивали опасность «по собственным своим видам»¹³.

Выполняя эту ответственную миссию, Н.Н. Муравьев должен был донести до султана условия Мухаммеда Али, при которых он соглашался остановить наступление на Сирию. Махмуд II к тому времени уже ожидал прибытия русской эскадры. Развитие дальнейших событий свидетельствует о драматизме ситуации, разрешившейся благополучно для России благодаря дипломатическому таланту как Н.Н. Муравьева, так и российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева.

На берега Босфора прибыли три русские эскадры. Первая под командованием контр-адмирала М.П. Лазарева, вошедшая в Босфор 8 февраля 1833 г., не имела высадочного десанта, который прибыл на второй эскадре под командованием контр-адмирала

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 20 об. Н.Н. Муравьев А.И. Чернышеву. 20 декабря 1832 г.

¹⁰ Там же. Л. 7–8. Предписание военного министра Дюгамелю. 28 октября 1832 г. Некоторые документы этого фонда были использованы Г.А. Гребенщиковой в работе «Босфорская военно-морская операция. 1833 год». См.: Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 44–51.

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 13. А.О. Дюгамет Н.Н. Муравьеву. 4 (16) декабря 1832 г.

¹² Там же. Л. 18 об. А.О. Дюгамет А.И. Чернышеву. 16 (28) декабря 1832 г.

¹³ Там же. Л. 41.

М.П. Кумани 24 марта. В апреле к ним присоединилась еще одна эскадра под руководством контр-адмирала И.И. Стожжевского. Всего на рейд в Буюк-дере прибыли 10 линейных кораблей, 4 фрегата, корвет, бриг и несколько транспортных, бомбардировочных и коммерческих судов — всего 18 вымпелов¹⁴. Все эти суда не стали продвигаться в глубь константинопольского рейда, а остановились напротив дипломатического квартала Буюк-дере и Терапия, где размещались резиденции послов Англии, Франции и России, чем вызвали настоящий дипломатический скандал.

Французский посланник А.-Р. Руссен заявил турецким министрам, что готов урегулировать турецко-египетский кризис. Чтобы избежать недоразумений, Порты была вынуждена направить Бутеневу ноту с просьбой вывести русские эскадры, как в ней было упомянуто, «в угоду французскому посланнику»¹⁵. Подобная ссылка на требование, выдвинутое Францией, была неприемлема для российского посланника. А.П. Бутенев не принял турецкой ноты, и турки должны были уступить. Таким образом, все дальнейшие переговоры и сама возможность заключения будущего договора были обязаны решимости и твердости российского посланника. «По скромности Бутенева блистательный подвиг его остался безгласен», — пишет Муравьев¹⁶.

Безусловно, ни Англия, ни Франция не могли безоговорочно принять триумф России. Их объединенная эскадра прибыла в Смирну и ждала команды отправиться к Дарданеллам. Неожиданную поддержку Россия получила со стороны Австрии. К. Меттерних предлагал европейским кабинетам рассматривать действия России только лишь как «эффективное средство поддержать на Востоке мир и существующее территориальное положение»¹⁷. Более того, австрийский канцлер предупредил российского посла в Вене Д.П. Татищева о готовящемся выступлении англичан и французов. Он считал, что Франция не может претендовать на роль единственной покровительницы Османской империи, и приложил немало усилий к тому, чтобы уверить Порту в «благородной и незаинтересованной» политике России.

Муравьев по предписанию военного министерства должен был устроить на обоих берегах Босфора по одному укрепленному пункту с военными гарнизонами, что соответствовало намерению приобрести «два каменистых уголка», содержащемся в «Записке» Дашкова. Изучив местность, он решил остановиться на самом возвышенном участке азиатского берега напротив Буюк-дере, у горы Великанов. Там и расположился лагерем русский военный десант — всего 11 тыс. человек. Вопреки желанию европейских послов, на аудиенции, данной Муравьеву, султан просил его не покидать Босфора до окончания египетских дел. Таким образом, пишет Муравьев, «мы распространяли влияние свое без кровопролития и овладевали Проливами без победы»¹⁸.

Военный лагерь стал местом притяжения высшего константинопольского общества, которое собиралось здесь послушать русские песни в исполнении солдат и матросов. Султан, демонстрируя свое доброжелательное отношение к российским войскам, выразил желание принять участие в смотре войск и флота. Смотр состоялся 15 апреля 1833 г. Махмуд II, объехав ратный строй, приветствовал его по-русски: «Здорово, ребята!». Он остался доволен состоянием русской эскадры, где его поразили порядок и послушание команды, а также торжественным приемом на берегу и корабле. Отчет об этих событиях публиковался в русской прессе. Так, в «Военном журнале» говорилось: «Наш могучий и прославленный орел дружелюбно простер широкое крыло свое к луне Востока»¹⁹. Султан оказал необыкновенное внимание, и «в день Святой Пасхи прислал он в лагерь

¹⁴ Гребенщикова Г.А. Российский флот при Николае I. СПб., 2014. С. 281. В статье «Босфорская военно-морская операция. 1833 год» этот автор говорит о 33 вымпелах.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 211. Л. 314 об. — 325. Д.П. Татищев К.В. Нессельроде. 14 (26) марта 1833 г.

¹⁶ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 191.

¹⁷ Международные отношения на Балканах. 1830—1856 гг. М., 1990. С. 232.

¹⁸ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 217.

¹⁹ Военный журнал. 1833. № 5. С. 134, 138.

нарочного чиновника, которому поручено было поздравить от его имени... всех чинов отряда с сим торжественным праздником», — писали «Санкт-Петербургские ведомости»²⁰. Все православные воины российского отряда были наделены красными яйцами и вином, что само по себе было достаточно необычным для мусульманской страны.

Однако самые важные события происходили в султанском дворце в Константинополе. В мае в турецкую столицу прибыл специальный уполномоченный Николая I А.Ф. Орлов. «Его императорское величество, желая засвидетельствовать искреннюю свою попечительность о пользах султана среди настоящего смутного положения дел на Востоке, поручил своему генерал-адъютанту графу Орлову особую миссию к сему государю. Граф Орлов отправляется в Константинополь в качестве чрезвычайного посла на все продолжение сей временной миссии», — сообщалось в российских газетах²¹. Обычно император привлекал своего личного друга для особо важных дипломатических поручений, опираясь на его ум, находчивость и чувство юмора. Орлов уже бывал в Турции при подписании Адрианопольского мира, некоторые его статьи, весьма выгодные для России, были включены в текст благодаря личным качествам российского уполномоченного. На этот раз Орлов имел поручение заключить с Портой новый договор относительно статуса Черноморских проливов. Условия договора были разработаны еще в Петербурге, но весьма важной была демонстрация полной добровольности и взаимовыгодности заключаемого союза. Этому соответствовали как личное письмо султана Николаю I с выражением благодарности, так и нота Порты от 26 июня 1833 г., в ней говорилось: «Дружба и благорасположение, оказанные империи Османской... имели последствием утверждение как в настоящем, так и в будущем времени союза и доверенности»²².

Таким образом, именно Порта впервые заговорила о союзе, а российские власти с готовностью подхватили намерение завершить свою морскую экспедицию «прочным и почетным» соглашением. Тем более его условия уже привез в Константинополь Орлов. Однако неверно было бы говорить, что союз был заключен «под жерлами русских пушек». Об этом же писала историк Н.С. Киняпина в статье, посвященной договору²³. Она впервые обратила внимание на то, что Порта предложила заключить договор только после того, как Орлов обратился к ней за разрешением вывести российскую эскадру из Босфора, поскольку счел ее миссию завершённой. Конечно, никакого официального «разрешения» на вывод эскадры от Порты не требовалось, но своим обращением Орлов еще раз подчеркнул, что русские моряки находятся на Босфоре по воле турецкого правительства. Это, безусловно, свидетельствует о выдающемся дипломатическом таланте российского представителя, который был высоко оценен Николаем I. «Наконец, 28-го в 11-м часу пополудни при попутном ветре вся наша эскадра с десантом снялась с якоря и, благополучно выступив из Босфора, направились в российские порты», — говорилось в докладе Орлова Николаю I. Босфорская экспедиция была завершена.

Отдельно следует сказать еще об одной миссии, которая была выполнена в продолжение экспедиции. Командующий российскими войсками в Дунайских княжествах П.Д. Киселев, ожидавший приказа выступить на помощь Порте «сухим путем», напомнил военному министру, что Генеральный штаб не имеет точных топографических карт Румелии, а те, что были сделаны во время последней войны, недостаточны. Военный министр поддержал Киселева, посчитав его инициативу «весьма полезной» для произведения съемки европейской Турции. Он напомнил, что в десантном отряде находятся шесть офицеров Генерального

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 29.IV.1833.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 12.IV.1833.

²² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. СПб., 1898. С. 263.

²³ Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. 1958. № 2. С. 43.

штаба и к ним направлен новый отряд из пяти топографов с офицером²⁴. Император, ознакомившись с предложениями, повелел довести эти намерения до сведения Орлова и приступить к топографическим изысканиям, заручившись резолюцией императорского посланника, который должен был получить согласие турецкой стороны. 1 апреля 1833 г. на фрегате «Эривань» отряд топографов вышел из Константинополя к Дарданеллам. К 6 июня экспедиция была завершена, и Дюгамель, возглавивший эту миссию, представил секретный отчет на 31 листе²⁵. Еще в инструкциях Муравьева говорилось, что Дюгамель прежде всего должен был отклонить всякую мысль турецких властей о желании морской экспедиции занять Дарданеллы. Отряд из инженер-полковника К.И. Бюрно, поручика Дайнези и морского офицера должен снять «глазомерно» оба берега Пролива, наблюдая за строительством укреплений и состоянием турецкой артиллерии. В случае возникновения угрозы приближения египетской эскадры, Дюгамель должен был остаться в Дарданеллах²⁶. Отдельным секретным распоряжением Муравьева на Дюгамеля возлагалась обязанность собрать сведения о действиях французов и англичан на Средиземном море, в Архипелаге и у берегов Александрии²⁷.

Во время стоянки десантного корпуса в долине Ункяр-Искелеси у подошвы горы Великанов был произведен осмотр берегов Босфора — как азиатского, так и европейского — силами отряда топографов и полевых инженеров под руководством полковника Генерального штаба А.И. Менда. В результате этих изысканий были составлены подробные карты и описания дорог, рек и всего рельефа и изгибов Босфорского пролива. Всего в Генеральный штаб поступило 14 планов, маршруты и тригонометрические вычисления сети Босфора, а также профили укреплений с картами и описаниями²⁸. В представленных документах указывалось состояние дорог и может ли по ним пройти артиллерия, а также намечались места, наиболее удобные для расположения десантных отрядов. Это были сведения, весьма полезные для составления плана действий против египетских войск; однако не меньшую важность они представляли для русского Генерального штаба в видах развития будущих отношений с Османской империей.

В память о пребывании на Босфоре Н.Н. Муравьев предложил оставить особый знак в виде большого камня, который специально был привезен на азиатский берег силами русского десанта. Надпись, предложенная Муравьевым, гласила: «В память Олега — полка Николая». Однако Орлов посчитал неуместным напоминать туркам о былых подвигах русского войска и предложил оставить на камне лишь дату «июня 25 дня 1833 года», что и было сделано. Турецкие власти также решили внести свою лепту в увековечивание данного события и расширили надпись, которая в окончательном варианте выглядела так: «Сей отломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится дружба между обеими державами твердости и постоянности камня сего, и да будет она долго воспеваема устами друзей»²⁹. В турецком тексте обращает на себя внимание то, что русские войска названы «гостями», и это должно было подчеркнуть присутствие здесь русских моряков в результате «доброй воли» турецкого правительства.

В память об экспедиции все ее участники были награждены памятными медалями, золотыми для офицерского состава и серебряными для рядовых — с русской и турецкой стороны. Австрийский посланник в Петербурге граф Фикельмон был награжден Николаем I орденом Св. Андрея Первозванного в благодарность за поддержку, оказанную австрийским правительством в сложной международной ситуации. Австрийский представитель в Константинополе барон Штюрмер также удостоился русского ордена Св. Анны

²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 130 об. О топографической съемке некоторых мест Европейской Турции. 16 мая 1833 г.

²⁵ Там же. Л. 135—135 об. Рапорт Н.Н. Муравьева А.И. Чернышеву. 1 апреля 1833 г.

²⁶ Там же. Л. 138. Инструкции Н.Н. Муравьева А.О. Дюгамелю. 30 марта 1833 г.

²⁷ Там же. Л. 141. Н.Н. Муравьев А.О. Дюгамелю. Секретно. [без даты].

²⁸ Там же. Л. 186—189. Рапорт А.И. Менда А.И. Нейдгарту. 29 июня 1833 г.

²⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. 860—1917 гг. М., 2002. С. 309.

1-й степени «за искреннее содействие, оказанное нашим полномочным по делам, имевшим целью сохранение Османской империи»³⁰.

Самым желанным следствием предпринятой экспедиции стало заключение договора, получившего название Ункяр-Искелесийского по названию местечка, где стоял лагерь русский десант. Он был подписан 26 июня (8 июля) 1833 г. графом Орловым, носил оборонительный характер и должен был действовать в течение восьми лет. Наиболее важное для России условие содержалось в «отдельной секретной» статье, по которой Россия и Турция обязались прийти друг другу на помощь в случае военного конфликта с третьими державами. При этом предполагалось, что Турция закроет Дарданелльский пролив для вражеских флотов, т.е. Порты обязалась «не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом». Россия, со своей стороны, должна была прийти на помощь султану «сухим путем и морем»³¹. Условие о закрытии Дарданелл имело принципиальное значение, поскольку Порты являлась хозяйкой Проливов и могла пропускать иностранные суда по своему усмотрению. Даже торговые корабли должны были получать специальные ферманы от турецких властей для того, чтобы выйти с товарами в Черное море. Обязанность России прийти на помощь «морем» также являлась для российских властей желанным условием данного договора, поскольку подразумевала возможность в случае военной необходимости ввести свои вооруженные суда в Босфорский пролив — никакого другого морского пути в Константинополь просто не существовало.

Несмотря на то что главные для российской стороны условия договора были «спрятаны» в секретной его статье, они очень быстро стали известны европейским политикам. Реакция на договор была бурной, хотя Порты поспешила заверить западные кабинеты, что договор «не имеет никакого отношения ни в настоящем, ни в будущем к какой-либо мысли об агрессии или наступлении и заключен только с намерением успешно послужить собственным интересам Высокой Порты и в соответствии с желанием двух сторон»³². Однако в Европе считали, что вполне могли бы «успешно послужить интересам Высокой Порты» без участия российской стороны, которая, по их мнению, получила беспрецедентные преимущества в регионе Проливов. Англия даже пригрозила заключить союз с египетским пашой, если Россия не откажется от договора с Турцией. Французское правительство постаралось смягчить впечатление от понесенной неудачи. На заседании палаты депутатов министр иностранных дел Франции А.-В. де Бройль заявил: «Я не полагаю, чтобы положение турецких дел должно было возбуждать важные опасения»³³. Эти слова были призваны успокоить общественное мнение, но не смогли скрыть истинной тревоги правящих кругов о сложившемся, весьма невыгодном для западных держав, положении на Востоке. «Петербургский кабинет сделал из Турции официального своего подчиненного, а из Черного моря — русское озеро, — писал Ф. Гизо, — без того, чтобы что-либо мешало ей самой (России. — *Е.К.*) из него выйти и перебросить в Средиземное море свои суда и войска»³⁴. В результате твердой позиции османского правительства, заявившего в официальной ноте, что оно свободно «заключать по своему независимому желанию договор с той дружественной державой»³⁵, с какой сочтет нужным, протесты западных держав не оказали своего действия, и союзный флот был вынужден покинуть Смирну.

Ункяр-Искелесийский договор явился крупной дипломатической победой России — не даром он вызвал яростное сопротивление со стороны заинтересованных держав, которые в последующие годы пытались добиться его отмены. Выгоды его были очевидны — Россия получала право на проход военного флота, пусть только в период военного времени. Закрытие Дарданелл также представлялось западным партнерам мерой, направленной против

³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 9.VIII.1833.

³¹ Юзефович Т. Указ. соч. С. 92.

³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 244. Л. 18 об. — 19.

³³ Сын Отечества и Северный архив. 1834. № 5. С. 215.

³⁴ Цит. по: *Тарле Е.В.* Крымская война // Тарле Е.В. Сочинения: в 12-ти т. Т. 8. М., 1959. С. 142.

³⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1854. Л. 46.

их вмешательства в турецкие дела. Таким образом, договор явился пиком успеха восточной политики России в регионе Проливов, тем достижением, на которое российские власти ориентировались в последующие годы, когда действие соглашения было прекращено и, по-существу, в подобной форме уже никогда не возобновлялось³⁶.

Одновременно следует признать определенную недоговоренность статей договора, что, по мнению исследователя вопроса о Проливах С. Горяинова, ослабляло его выгоды для России³⁷. Его условия могли толковаться по-разному, но, без сомнения, он явился право-преемником двух предшествовавших договоров 1799 и 1805 гг., в которых оговаривались права русского флота в Черном море и Проливах. Следовательно, статьи договора могли толковаться расширительно к выгоде российской стороны. Это относилось и к условию о закрытии Дарданелл. Ряд исследователей придерживаются точки зрения, что закрытие этого пролива для третьих держав подразумевает его открытость для русского флота. Так, С. Гагарин утверждал: «Раз Турция закрывает Дарданеллы исключительно ради интересов России как ее союзницы, то и открытие их для пропуска только русских судов, когда это необходимо России, тут подразумевается»³⁸. Таким образом, договор попал под пристальное изучение правоведов-международников, которые могли толковать его статьи по-разному. Очевидно одно — Россия никогда не выдвигала требований прохода своих военных судов через Черноморские проливы, опираясь на статьи Ункяр-Искелесийского договора, хотя и высоко оценивала его значение для политики России на Востоке³⁹. Закрытие Дарданелл в интересах России обеспечивало недосыгаемость российских рубежей со стороны вражеского флота, что представляло для нее важное стратегическое преимущество.

Профессионализм российских дипломатов на Босфоре, слаженные действия морских отрядов, подготовленность к заключению важного документа и правильно выбранный для этого момент — все эти элементы позволили России подписать один из самых успешных международно-правовых документов в истории ее внешней политики на Востоке. Не следует списывать со счетов благоприятную международную обстановку, воцарившуюся после завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в результате которой Россия значительно усилила свое влияние в Османской империи.

Факт заключения русско-турецкого военного договора нарушал стереотип представления об исключительно противоборствующих отношениях двух соседних империй. Скорее, он еще раз подтверждал исходный тезис о желательном характере двусторонних отношений, провозглашенный в начале XIX в. и повторенный во время работы «Особого комитета» в 1829 г. Этот тезис гласил о выгодности для России продолжения существования Османской империи. «Странно, что общее мнение приписывает мне желание овладеть Константинополем и Турецкою империею, — говорил российский император. — Мне выгодно держать Турцию в том слабом состоянии, в котором она ныне находится. Это и надобно поддерживать, и вот настоящие сношения, в коих я должен оставаться с султаном»⁴⁰. Можно утверждать, что и после заключения Ункяр-Искелесийского договора внешнеполитические задачи России оставались прежними — содействовать сохранению Османской империи, не допуская преобладания в отдельных ее частях политического влияния той или иной заинтересованной европейской державы. Таким образом, Османская империя, распада которой ждали в Европе с конца XVIII в., в очередной раз избежала своего разрушения благодаря помощи вековой противницы — России. Заключенный в 1833 г. договор на долгие десятилетия остался для России примером наиболее успешно-го решения проблемы Проливов в истории русско-турецких отношений.

³⁶ Следует отметить, что в отечественной историографии присутствует и другое мнение по данному вопросу. См.: *Иванов Д.Н.* Черноморский флот и первый турецко-египетский кризис 1831–1833 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 53–59.

³⁷ *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 34.

³⁸ *Гагарин С.* Константинопольские проливы // Русская мысль. 1915. № 4. С. 106.

³⁹ Россия и Черноморские проливы... С. 117.

⁴⁰ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 449.

Библиография

- Гагарин С. Константинопольские проливы // Русская мысль. 1915. № 4. С. 43–67.
- Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.
- Горяинов С. Договор 11 (23) сентября 1805 года между Россией и Турцией // Известия МИД. Кн. 5. СПб., 1912. С. 247–249.
- Гребенщикова Г.А. Российский флот при Николае I. СПб., 2014.
- Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год // Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 44–51.
- Иванов Д.Н. Черноморский флот и первый турецко-египетский кризис 1831–1833 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 53–59.
- Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. 1958. № 2. С. 30–49.
- Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.
- Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. СПб., 1898.
- Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990.
- Милутин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857.
- Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. 860–1917 гг. М., 2002.
- Россия и Черноморские проливы (XVII–XX столетия). М., 1999.
- Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Сочинения: в 12-ти т. Т. 8. М., 1959.
- Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1862.

References

- Gagarin S. Konstantinopolskije prolivi [The Straits of Constantinople] // Russkaja misl [Russian thought]. 1915. № 4. S. 43–76. (In Russ.)
- Gorainov S. Bospor i Dardanelli [Bosporus and Dardanelles]. Sankt-Peterburg, 1907. (In Russ.)
- Gorainov S. Dogovor 11 (25) sentjabrja 1905 goda mezu Rossijeju i Turcijeju [The treatment of 11 (25) September between Russia and Turkey] // Izvestija MID [News of the Ministry of international relations]. Кн. 5. Sankt-Peterburg, 1912. S. 247–249. (In Russ.)
- Grebenzikova G.A. Bosforskaja voenno-morskaja operacija 1833 god [Bosporus naval operation. 1833] // Voенno-istoricheskij zhurnal [Military-historical magazine]. 2018. № 7. S. 44–51. (In Russ.)
- Grebenzikova G.A. Rossijskij flot pri Nikolaje I [The Russian Fleet under Nicholas I]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)
- Ivanov D.N. Cernomorskij flot I pervij turecko-egipetskij krisis 1831–1833 [Black sea fleet and the first Turkish-egiptian crisis of 1831–1833] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istotija [Bulletin of Sankt-Petersburg university. History]. 2008. № 2. S. 53–59. (In Russ.)
- Juzefovich T. Dogovori Rossii s vostokom, politiceskije i trgovije [Treaties of Russia with East, political and trade]. Sankt-Peterburg, 1862. (In Russ.)
- Kinjarina N.S. Unkiar-Iskelessijskij dogovor 1833 goda [Unkiar-Iskelessi treatment of 1833] // Naucnije dokladi visshhej shkoli [Scientific reports of higher school]. 1958. № 2. S. 30–49. (In Russ.)
- Kudriavtseva E.P. Rossija i stanovlenije serbskoj gosudarstvennosti [Russia and becoming of serbian state]. 1812–1856 gg. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Martens F.F. Sobranije traktatov i konvencij zaklucennih Rossijeju s inostrannimi derzavami [Collection of tractates and conventions of Russia and foreign states]. Т. XII. Sankt-Peterburg, 1898. (In Russ.)
- Mezhdunarodnije otnoshenija na Balkanah [International relations on the Balkans]. 1830–1856 gg. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Milutin D. Istorija vojni 1799 goda mezu Rossijeju i Francijeju v carstvovanije imperatora Pavla I [The history of the war of 1799 among Russia and France in the time of emperor Paul I]. Т. III. Sankt-Peterburg, 1857. (In Russ.)
- Muravijev N.N. Russkije na Bosfore v 1833 godu [Russians on the Bosphorus in 1833]. Moskva, 1869. (In Russ.)
- Očerki istorii Ministerstva inostrannih del Rossii [Essays of the history of russian Ministry of international relations]. Т. 1. 1860–1917. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Rossija i cernomorskije prolivi (XVII–XX stoletija) [Russia and the Black Sea Straits (17th–20th centuries)]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Tarle E.V. Krimskaja vojna [The war of Crimea] // Tarle E.V. Sochineniia [Essays]: v 12-ti t. Т. 8. Moskva, 1959. (In Russ.)